

MARINA
LOSTETTER

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО: ЕЛЕНА БОЙЧЕНКО

THE HELM
OF MIDNIGHT

МАРИНА
ЛОСТЕТТЕР

ЛИК
ПОЛУНОЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Λ79

Marina Lostetter
THE HELM OF MIDNIGHT

*Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.*

Перевод с английского: *Елена Бойченко*

Дизайн обложки: *Екатерина Климова*

Карта: *Дженнифер Хановер*

Copyright © 2021 by Little Lost Stories LLC
© Елена Бойченко, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Правила Долины столь же суровы, сколь и чисты.

Пятеро божеств ради человечества пожертвовали многим и взамен требуют, чтобы и мы жертвовали друг другом. Помните о неизбежности Кары Пятерых.

Первое божество суть Хранитель Эмоций, а эмоции — основа всех страстей человеческих. Эмоции подлежат совместному использованию за счет налога на эмоции. Кара за накопление эмоций — заморозка чувств.

Второе божество суть Хранитель Природы. Природа определяет естественный ход событий — таков порядок, и его необходимо соблюдать и поддерживать. Кара за нарушение естественного хода событий — тяжкий труд во благо других.

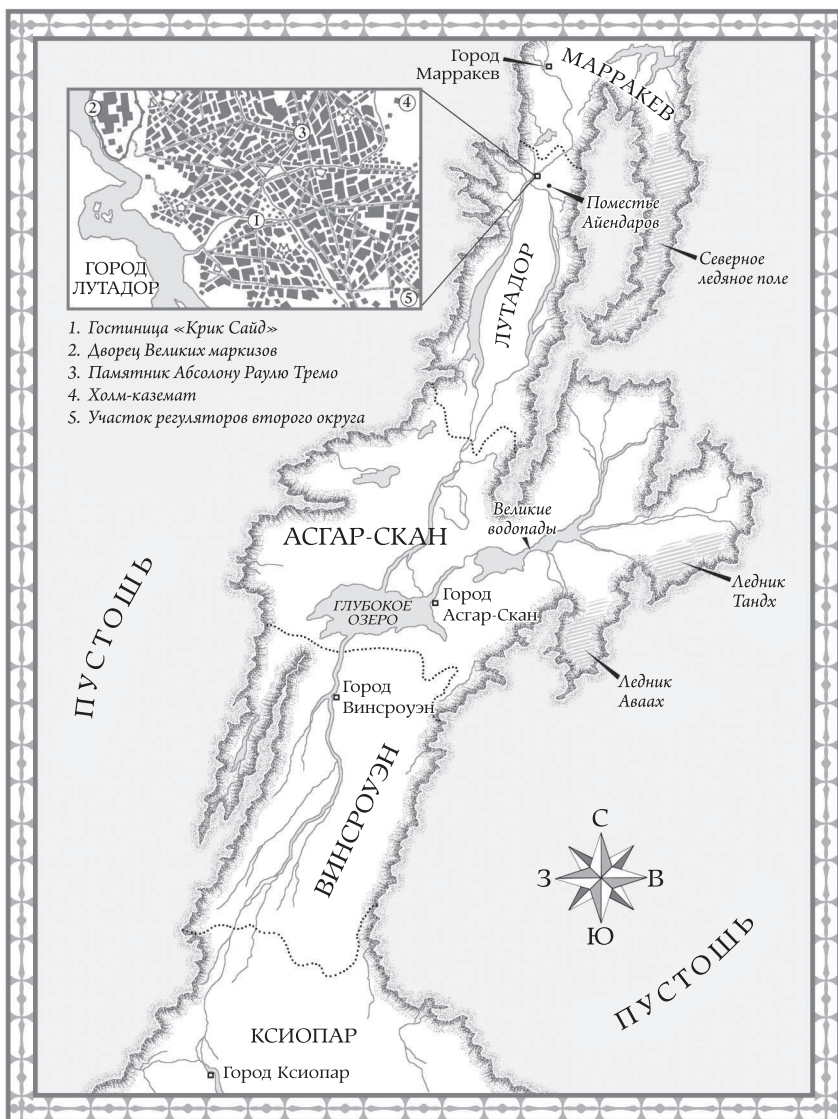
Третье божество суть Сосуд Знаний, но слишком многие знания, обретенные без надлежащей подготовки, таят опасность. Новые знания должны быть доступны только тогда, когда приходит их время. Кара за изобретения, созданные раньше времени — отрубание рук виновных в этом деянии.

Четвертое божество суть Хранитель Времени и близнец Природы. Время — едино для всех и все едины для времени. Время подлежит совместному использованию за счет налога на время. Кара за накопление времени — преждевременная смерть.

Пятое божество суть Непознанное — абсолютное и безграничное. Однажды оно примет решение явить себя и подарит магию Долине. Но пока оно требует только верности и обета о неизбежности кары в будущем.

— Свиток 318

*Составлен Аболоном Раулем Тремо
после Великого пришествия*

ГЛАВА 1

КРОНА

Я боюсь, и это хуже всего. Боюсь, даже когда на мне надеты браслеты с красными гранатами и желтыми топазами, в которых пылают украденные эмоции. Возможно, драгоценные камни не помогают, потому что это особый страх — страх не оправдать ожиданий. Страх провала, о котором все узнают. Я могла бы обратиться к эмоциатору¹ и попросить его навсегда избавить меня от страха. Но я не могу избавиться от подозрений, что иллы... их укол может забрать у меня больше, чем утверждают маги.

Ночь всем телом прижималась к окнам зимнего сада, словно стена воды — влажная, плотная. Глядя в темноту, Де-Крона чувствовала, как эта тьма давит на нее. Угнетает. Ей казалось, что стоит лишь слегка прикоснуться к красивому зеленому стеклу, и оно треснет, рассыплется на мелкие осколки, и ночь ворвется в зал и начнет душить и гостей, и прислугу.

Но квартет играл радостную мелодию, и вокруг мелькали улыбки. Она сама начала покачиваться в такт музыке, одновременно следя за задним левым сектором зала, чтобы вовремя обнаружить признаки подозрительного поведения.

¹Эмоциатор — маг, работающий с драгоценными камнями и эмоциями. Его мастерство заключается в том, чтобы зарядить камнями чарами — магией, которая будет усиливать или подавлять эмоции и чувства того, кто носит украшение с магическим камнем.

Сегодняшнее торжество приурочено к Серебряному юбилею Главного магистрата. Он был главой всех служб безопасности в городе-государстве Лутадор, включая инспекторов пищевой безопасности, стражей всех подразделений дозора, регуляторов, охраняющих закон и порядок, надзирающих за всеми мартинетов и, конечно же, национальную маршонскую гвардию.

На приеме демонстрировалось двенадцать магических предметов. Все они были приняты на хранение во время правления Главного магистрата и надежно укрыты в подземных хранилищах города-государства, расположенных на Холме-каземате. Де-Крона осторожно обходила высокие витрины с выставленными на обозрение запретными экспонатами: один шприц, пять масок, три ожерелья, одна брошь, один кособокий плафон и один перочинный нож из бронзы.

На вид самые обычные вещи.

Но все они представляли невероятную опасность.

Для их охраны во время праздника было назначено шесть регуляторов, и Крона очень волновалась. Она, хоть и привыкла к оперативной работе — три с лишним года за спиной и еще много лет впереди, — но все же была новым членом этой спецбригады, работающей под руководством капитана Де-Лии Хирват, ее старшей сестры (именно поэтому она часто отбрасывала приставку «Де» в своем имени).

Спецбригада Де-Лии пользовалась большим авторитетом и уважением. Их часто направляли на выполнение самых сложных задач.

Стеклянная раковина, надетая на ухо Де-Кроны, завибрировала.

— Мне не нравится вид того человека в красном, — произнес голос Трея в ее шлеме.

Регуляторы могли общаться друг с другом на расстоянии, втянув в рот магическую капсулу-ревербератор. Такой способ общения исключал возможность их подслушивания.

Тре́й стоял у входа, наблюдая, как гости показывают швейцару приглашения.

— Это же праздничный прием, — продолжил он. — А он в красном. Это... это выглядит неподобающе.

В зале в оживленной синхронности кружились бежевый и серый, белый и коричневый. Кое-где в толпе мелькали фигуры в черном, как Де-Крона, но в алом сквозь толпы знати фланировал только один человек. Его траурный наряд кричал, требуя внимания, как разбитая коленка ребенка. Траектория, по которой он двигался, говорила о том, что он направляется к экспонатам.

Уж слишком бросается в глаза, чтобы ждать от него неприятностей, подумала Крона. Облизнувшись, она поймала капсулу-ревербератор, которая болталась на нитке возле рта, и втянула ее в под язык.

— Буду приглядывать за ним, — сказала она и выпустила капсулу изо рта.

— Зови, если понадобится помощь, — сказал Ро́йу с другой стороны огромного зала.

Он и Саша прошли мимо друг друга, патрулируя периметр.

Черты лица человека в красном становились четче по мере его приближения к Кроне. Смуглая кожа казалась темнее из-за теней вокруг глаз и запавших щек. На вид ему было лет тридцать—тридцать пять. Его можно было бы назвать красивым, если бы не печать глубокой скорби на лице. И хотя он шел твердой походкой, взгляд отсутствующе плыл по залу. В осанке чувствовалась выправка, одежда была аккуратной. Глубокий вырез туники обрамляли мелкие перышки, которые издали были похожи на красные острые зубки.

Де-Крона была уверена, что траурный наряд не был продиктован желанием поглумиться или неуважением. Насколько она видела, на нем не было украшений — ни одного опала. Горе выглядело настоящим.

Он подошел к самой дальней от нее витрине, затем начал ходить между высокими постаментами, благодаря которым предметы находились на уровне глаз, внимательно разглядывая каждый артефакт, но при этом навряд ли видел их.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Крона, когда он подошел ближе.

Она знала, что ее огромный шлем и андрогинная униформа часто пугали публику (и благородную, и всю прочую).

Его взгляд оторвался от кособокого плафона и переместился на округлое бордовое стекло щитка, который скрывал лицо Кроны. Белки его глаз были такими же красными, как и его траурный наряд.

— Регулятор ничем мне не поможет, если только вы не можете повернуть время вспять. Можете?

Его голос не был ни отстраненным, ни холодным. Наоборот — в нем чувствовался жар, как в топке. Пылкость. Будто сквозь него по спирали бежало напряжение, и он одним прикосновением мог поджечь драпировку.

— В этом вам никто не сможет помочь. Божество Времени необратимо движется вперед, — тихо ответила она, сохраняя властную позу.

— Да. Если включить газовый рожок, то ночь не превратится в утро. И даже если перевести часы назад, вернуться во вчерашний день невозможно, — сказал он.

Каждое слово он произносил пронзительно, с надрывом.

Рядом пробежал слуга с подносом, притормозил, предложив гостю бокал с шампанским, и помчался дальше. Вокруг прохаживались гости, держа в руках тарелки с безумно дорогой экзотической едой, и Кроне захотелось снять свой вычищенный до блеска шлем и хотя бы вдохнуть эти ароматы. Но увы... ей приходилось дышать запахом металла, тщательного протертого спиртом.

Она ценила хорошую еду и напитки, когда могла себе позволить купить их, хотя с ее зарплатой такое случалось не-

часто. А к роскошным нарядам и украшениям, мелькавшим вокруг, относилась равнодушно.

Мужчина отказался от шампанского. Вид у него был такой, словно ему хотелось улечься в мягкую постель и как следует отдохнуть.

— Осмелюсь предложить вам перейти в гостиную, — произнесла она. — Там тихо. Возможно, вам будет лучше там, а не здесь... среди шума и суеты.

В дальнем углу зимнего сада взмахнул смычками дуэт скрипачей, и полилась веселая мелодия. Она была приятной, но бодрила, а не успокаивала, как тишина темной комнаты.

Он невесело улыбнулся.

— Скоро выступление Главного магистрата. Если я уйду, то не услышу его.

Ага, значит он родственник сегодняшнего виновника торжества. Он и правда был похож на магистрата. Тот же нос, и волосы похожи, и глаза.

— Вы мсье Аиендар?

Он никак не отреагировал.

— Расскажите мне о броши. Я ни разу не видел такого крупного магического рубина.

Изображать из себя профессора она не любила, но иногда приходилось. По крайней мере он казался искренне заинтересованным. Пройдя между витринами, она подняла руку в черной перчатке, указывая на футляр с брошью, изготовленной из золота и слоновой кости. В центре горел драгоценный камень исключительной чистоты — этакое осуждающее око, вззирающее на окружающих из-под защитного стекла.

— Его вес составляет десять и восемь десятых карата, включая целых девяносто пять сотых грамма отчаяния.

— Почти в двадцать раз превышает установленный законом предел, — медленно произнес мужчина, и его взгляд переметнулся на ее медные браслеты, инкрустиро-

ванные магическими гранатами и топазами государственного производства.

Да, они тоже магические, подумала она. *Один наполнен мужеством, а другой — решительностью*. Почти каждый драгоценный камень можно было зарядить магией, чтобы он хранил определенную эмоцию.

— Да, это предел, установленный законом для средних эмоций. Отчаяние можно удалить при помощи терапии, но чародеям запрещено продавать драгоценные камни с отчаянием, поскольку это чувство очень коварно и несет в себе много лжи. Все камни с заключенным внутри отчаянием необходимо сдавать на хранение правительству сразу же после их изготовления. Но этот рубин был вставлен в брошь. Его создала магиня-эмоциатор специально, чтобы отомстить террористам, взорвавшим много лет назад здание Городского совета. Они добивались закрытия всех трудовых лагерей. Ее мать погибла при эвакуации — ее растоптали.

Крона замолчала. Не самая лучшая история для скорбящего человека.

— Я тогда был совсем юнцом, но помню. Мой отец находился в северном крыле, когда все это случилось, — он взглянул туда, где установили подиум для выступления магистрата. — Пожалуйста, продолжайте.

— Магиня подарила брошь сначала одному зачинщику, и он покончил жизнь самоубийством. За ним последовал второй и третий. Она собиралась вручить ее четвертой жертве, но не успела — ее задержали.

Мужчина отвернулся, будто внезапно потеряв интерес к драгоценностям, и качнулся, как пьяный.

— А это?

Он указал на одну из самых гротескных масок. Асимметричная, окрашенная в разные цвета, она изображала лик демона, с разверстой пастью и огромными клыками. Кривая, будто сломанная челюсть, рога, торчащие под странными

углами — два во лбу, два на щеках и еще один на подбородке. Древатор¹, несомненно, был искусным мастером. Сколько бы Крона ни смотрела на нее, каждый раз ее пронизывала дрожь до самого сердца.

— Посмертная маска Луи Шарбона — маска Хаоса, — сказала она.

— Неужели того самого? Убийцы?

— Да, самого жестокого массового убийцы Лутадора. Размер маски неизвестен, ведь примерить и даже измерить ее невозможно — запрещено законом. Ей присвоен самый высокий уровень знаний — десятый. Никто вообще не понимает, как эта посмертная маска превратилась в магическую, учитывая, что у древатора, которому приписывают ее создание, никогда не было доступа к телу Шарбона после того, как его повесили. На самом деле чародей в то время находился в приюте для безумцев.

— А какие знания хранит маска? Как убивать?

За три года работы регулятором Кроне несколько раз приходилось бывать на месте преступлений, связанных с насилием. Из-за магических предметов преступления на почве страсти совершались довольно часто, и конфликты обычно возникали не под воздействием магии, а из-за страстного желания завладеть тем или иным предметом. Кроме того, ей казалось, что для убийства не требуется особых навыков или умений.

— Нет, не совсем так. Видите ли, Шарбон умел расчленять и по-новому сочленять человеческие тела именно благодаря своим знаниям анатомии. Вполне возможно, что его желание убивать и укоренилось глубоко внутри его эха, но в первую очередь он был великим мастером анатомии и владел сложными знаниями о том, как все устроено и работает внутри человека. И Эрик Матисс сохранил *именно это* его умение — умение расчленить тело.

¹Древатор — маг, работающий с деревом. Древатор также владеет искусством резки по дереву, вырезает разные вещи, в том числе посмертные маски, и заряжает их магией.

Мужчина кивнул, словно обдумывая эту мысль. Он немало похмыкал и поэкал, затем что-то пробормотал и вдруг выпалил:

— Как вы думаете, какой из этих безделушек больше всего гордится магистрат Айендар?

Возможно, невинный вопрос. А, возможно, и нет.

— Я не знаю его лично, — осторожно ответила она.

Мужчина сделал небольшой шаг, плавно переместившись назад к броши. В уголках глаз у него блеснули слезы, и он вытер нос рукавом.

— Это точно не рубин, — сказал он, стиснув зубы. — Чувства других его никогда не интересовали. — Его руки дрожали, пальцы сжимались в кулаки и разжимались. — Скажите мне, регулятор, если бы ваша внучка умерла, где бы вы находились вечером в день ее смерти? На светском рауте? — Он потянулся к стеклу.

— Месье, отойдите, пожалуйста, — она предупреждающе положила руку на рукоять своей сабли, одновременно втянув в рот капсулу реверберации. — У меня может возникнуть проблема, — пробормотала она.

— Принято, — три раза прозвучало ей в ухо.

Месье Айендар-младший (теперь она была в этом уверена) не коснулся витрины, но повернулся к ней.

— Где бы вы были? — продолжал вопрошать он. — Смогли бы вы заставить сына бросить собственного ребенка? Принудили бы его прийти сюда, обмениваться любезностями, чтобы *сохранить лицо*?

Сердце Кроны сжалось, но по должности ей не полагалось ни вести допрос, ни (упаси Пятеро) судить о семье Главного магистрата.

— Месье...

С подавленным всхлипом он отскочил назад, к другой колонне.

— Больше всего он любит маски. Я точно это знаю. Вот эта с рыбой... что в ней такого опасного?

Она заметила, как впереди к ним приближается Трей, а с другой стороны экспозиции медленно направляется Саша, лавируя между пальмами в кадках и гостями.

— Эта маска принадлежала лорду Биррону. Он был весьма искусен в очистке опиатов, — примирительно произнесла она, взяв Айендара за локоть. — Пожалуйста, месье. Пойдемте со мной. Вон туда — там вы сможете присесть.

Он сбросил ее руку.

— Нет уж. Раз эти побрякушки значат для него больше, чем моя дочь, значит я буду разглядывать их, пока не надоест. Он хлопнул ладонями по витрине, оставив потные пятна на стекле.

Ей хотелось, чтобы коллеги двигались побыстрее, но пока она обнажила саблю.

— Вы же знаете, по закону я могу удалить вас.

— Так удали меня! — крикнул он.

В их сторону быстро повернулось несколько лиц: одни смотрели с недовольством, другие — с интересом.

— Хотите устроить сцену?

— Сцену? — усмехнулся он, изображая возмущение. — Меня возмущает даже мысль о том, что я каким-либо образом могу возжелать испортить идеальный вечер магистрата.

— Чем мы можем помочь? — спросил Трей, когда они с Сашей подошли с противоположных сторон экспозиции.

В отличие от оборок, камзолов с высокими воротниками и низкими вырезами и плавных линий одежды присутствующих форма регуляторов была простой, но внушительной. Все трое были похожи на черные шахматные фигуры, вырезанные простым ремесленником. Высокие, широкие шляпы — от плеча к плечу — достаточно просторные, чтобы их можно было надеть на магическую маску, хотя маски носили не всегда. В результате регуляторы выглядели как многогогие